

ЮЖНЫЙ КРАЙ

Воскресенье, 13-го Января 1908 года.

ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ПРИБАВЛЕНИЕ КЪ № 9284.

ИЗЪ СТУДЕНЧЕСКИХЪ ВОСПОМИНАНИЙ.

Рассказъ В. Рабского.

(Переводъ съ польского).

Фамилия его была Вепрь.

Когда онъ поступилъ въ берлинскій университетъ на медицинскій факультетъ,—это былъ парень хоть куда.

Женщины были отъ него безъ ума, а товарищи положительно разрывали на части. Коноводъ на выпивкахъ, вдумчивый стилистъ на литературныхъ вечерахъ, Вепрь увлекалъ толпу на всякаго рода сборищахъ музыкой голоса и вихремъ горячаго вдохновенія. Куда, бывало, ни глянешь: Вепрь, всюду Вепрь!

Доброта его и удивительно теплое, душевное выраженіе глазъ сдѣлали то, че-
го еще никогда намъ не приходилось видѣть: въ нашей польской колоніи, гдѣ въ смертномъ бою непрерывно раздавались боевые клики безконечныхъ идей, гдѣ нетерпимость доходила до геркулесовыхъ столбовъ и на каждого еще у дверей набрасывались съ грознымъ допросомъ:
— ты кто такой? — Иванъ или Сидоръ? — въ этомъ горнилѣ одинъ Вепрь счастливо избѣгалъ всѣхъ Сцилль и Харибдъ; даже больше,—это былъ любимчикъ и цѣнная величина всѣхъ лагерей и категорій.

Правда, то здѣсь, то тамъ считали его за тутицу, даже кое-кто бурчалъ, что это «типъ, готовый ставить свѣчу и Богу и сатанѣ», но Вепрь былъ вездѣ-
сущъ и быстро улаживалъ дѣло; онъ умѣлъ такъ дипломатично обезоруживать непріязненно настроенныхъ и при этомъ такъ великолѣпно драпировался въ тогу безкорыстнаго человѣколябца, что укусы ироніи не замедляли превращаться въ поцѣлуи.

Отецъ его былъ сельскимъ учителемъ въ Познани. Убогие родители, кромѣ овощей со своего огорода, да украдкой убитой дичи, не могли ничего давать на его содержаніе. Помогалъ ему дядя-священникъ, сидѣвшій на жирномъ мѣстечкѣ; съ его помощью Вепрь окончилъ гимназію, да и въ университетѣ чувствовалъ себя недурно. У насъ даже считался капиталистомъ, потому что и жиль удобно, и одѣвался элегантно, и деньжатами ссудить при случаѣ не отказывался.

Наступили, однако, и для Вепря тяже-
лые времена.

Помню, является, однажды, ко мнѣ скучный и вялый.

Бросился на кровать, закурилъ и вы-
ругался: «Собачья жизнѣ!».

— Что съ тобой?

— А! Все пошло къ черту. Умеръ дядя и монету на какія-то святыхъ дѣла завѣщалъ.

— Ну-у... Все-таки, вѣроятно...

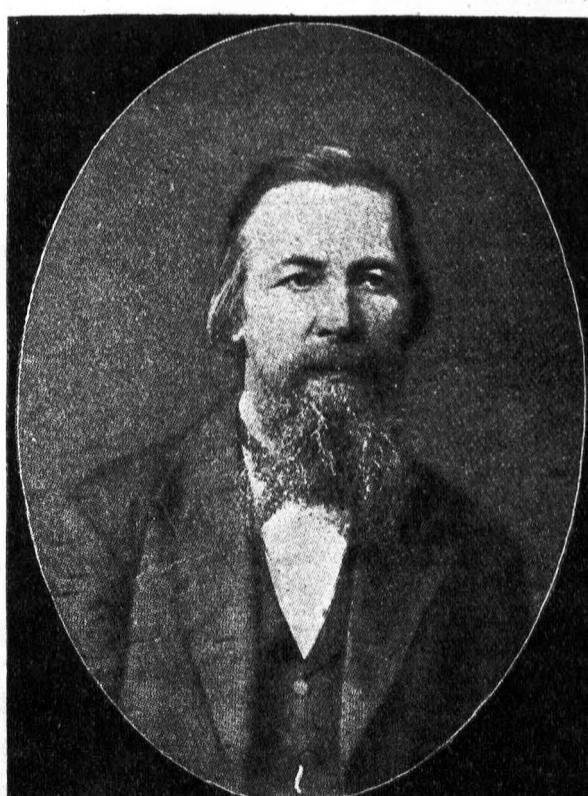
— Какое тамъ «вѣроятно!» Говорю же тебѣ: сдохнуть придется. Ни старикамъ, ни мнѣ гроша не оставилъ; даже скотину и обстановку экономікъ подарилъ...

Соскочилъ съ кровати и въ отчаяніи началъ бѣгать по комнатѣ, ругаясь и проклиная умершаго невпопадъ родственника, бѣдноту родительскую, себя самого, всѣхъ и вся:

Г. Ф. Шульцъ.

Заслуженный ординарный профессоръ Харьковскаго университета. Скончался 8 января.

И. А. Ефремовъ.

Извѣстнѣйший библиографъ и библиофилъ, редакторъ съборній сочиненій Пушкина, Лермонтова, Грибоѣдо-ва, Жуковскаго, Фонвизина, Кантемира, Новикова, Полежаева и др. Скончался въ С.-Петербургѣ 26-го декабря 1907 г.

— Что дѣлать... что дѣлать?! Въ головѣ сумбуръ... Еще три года университета впереди... Чѣмъ жить... Чѣмъ платить за лекціи...

Онъ былъ бессиленъ, какъ человѣкъ, которому впервые нужда въ глаза заглянула. Я старался его утѣшить, говорилъ о стипендіяхъ, но онъ только ломалъ руки и съ какимъ-то безнадежнымъ пессимизмомъ отгонялъ отъ себя всякое слово утѣшенія. Не слушалъ никакихъ доводовъ, ничему не вѣрилъ, ничего не ждалъ,—мрачное безволіе и недомысліе какъ-то рѣзало глаза въ этомъ недавно еще жизненно-могучемъ человѣкѣ; особенно непріятенъ былъ цинизмъ прежняго добра и альтруиста.

Однако, нѣсколько дней спустя, онъ началъ болѣе трезво обсуждать свое положеніе, разославъ знакомымъ нѣсколько жалобныхъ писемъ, бѣгалъ туда-сюда по поводу стипендіи... Но счастіе послѣдовательно отвернулось отъ него. Одни побѣщали, другіе делекатно увернулись подъ тѣмъ или инымъ предлогомъ, а иные—и даже большинство—совсѣмъ не отвѣтили. Стипендіатная же комиссія отказалась удовлетворить ходатайство подъ предлогомъ отсутствія въ данное время соотвѣтствующаго капитала.

А онъ съ горькой улыбкой иронизировалъ, читая намъ каждое «не могу»:

— Finita la comedia! Что ни дѣлай—проиграешь. На ровной дорогѣ ногу свихнешь, въ водосточной канавѣ утонешь, ложкой чистой воды отравишься... Удивительно, какъ это до сихъ поръ какой-нибудь менингитъ не свалилъ меня съ ногъ... Ужъ коли пошло, такъ пошло!..

Превратился въ фаталиста; во всемъ видѣлъ одни несчастія и удары судьбы и утратилъ всякую энергию, необходимую для пріисканія платнаго труда...

А можетъ быть и раньше неспособенъ былъ къ труду, но въ безпорядочной суматохѣ его жизни, это не бросалось въ глаза.

Помогали ему, кто чѣмъ могъ, ходили съ листомъ, складывались между собою, находили ему всевозможныя кондиціи, на которыхъ приходилось чуть не силой опредѣлять его—но Вепрь уже не былъ прежнимъ Вепремъ.

Тянула жизненную лямку безъ надежды, производилъ впечатлѣніе кальки. Куда дѣвались прежняя увѣренность, безшабашное веселье и фантазія? Отъ всякой ерунды сталъ впадать въ безсильную меланхолію. При томъ безконечный цинизмъ его такъ незаслуженно обливалъ насъ безъ устали потокомъ горчайшей желчи, что товарищи начали избѣгать его. Стало пустовать около Вепря.

Прошло два года, пожалуй, даже нѣсколько больше. Я встрѣчалъ его очень рѣдко, потому что на товарищескихъ собрaniяхъ Вепрь отсутствовалъ; что же касается занятій, то онъ посѣщалъ клиники, расположенные отъ университета очень далеко.

Однако, въ одинъ прелестный юльскій вечеръ, усѣянный блѣдными, словно усталыми звѣздами, встрѣтился я его въ совершенно пустой аллее Тиргартена.

Онъ взглянулъ на меня съ какимъ-то страннымъ выражениемъ испуга на лицѣ, затѣмъ несмѣло пожалъ мнѣ руку и не проронивъ ни слова, пошелъ рядомъ со мною между окутанными вечернимъ мракомъ столѣтними дубами, ведущими къ пруду. Отыскавши скамью надъ самымъ прудомъ, я сѣлъ, намѣреваясь разспросить, что онъ подѣльваетъ, и какъ ему живется.

Но разговоръ не клеился. Спрашивалъ я обо всемъ, что зналь и о чѣмъ догадывался, наводилъ бесѣду на воспоминанія о старыхъ знакомыхъ, но отвѣты его были полу-безсознательны, словно бы онъ отгонялъ надоѣдливыя мысли, тучей ложившейся на его усталый мозгъ.

Вскорѣ оба мы замолчали, и только рыба, выскочившая невзначай на поверхность воды, или сухая вѣтка, стоявшая сильнымъ движеніемъ птицы, нарушили тишину парка.

Вдругъ Вепрь, устремивъ глаза на воду, позолоченную холоднымъ отсвѣтомъ луны, спросилъ меня тихимъ голосомъ:

— Любишь ты "Нору" Ибсена?

Застигнутый врасплохъ столь неожиданнымъ вопросомъ, я пробормоталъ какое то общее мѣсто, а онъ погода продолжалъ.

— Не правда-ли, оригинальный типъ этого доктора, наканунѣ смерти посылающій своимъ пріятелямъ визитныя карточки, помѣченныя крестомъ. Знаешь, если бы мнѣ пришлось умирать— обязательно такимъ же способомъ извѣстиль бы всѣхъ о своей смерти.

— Я расхохотался.

— Здорово живешь!. Голова твоя положительно неисправима. Видно, тебя доселѣ еще преслѣплютъ трупы и скелеты!..

Адмираль Эвансъ.

Командующий флотомъ Соединенныхъ Штатовъ, переводимый изъ Атлантическаго океана въ Тихій.

Леты!.. Онъ медленно перевѣль взглянуть на меня и, глядя въ упоръ, проговорилъ со страннымъ выражениемъ:

— Бываются разные виды смерти. Можно жить и въ то же время умереть, какъ собака.

Меня передернуло: что-то неладно, думаю, надо насторожиться. Однако, Вепрь

какъ бы поразился собственными словами, быстро поднялся и ударила тростью по кустамъ:

— Нелупно? Красивый парадоксъ?— голосъ его зазвучалъ насилиственной не-принужденностью. — Вотъ бы записать его какъ-нибудь литераторской бабѣ!..

И опять наступила тишина, еще болѣе непрятная, чѣмъ раньше. У меня было ощущеніе, какъ будто этому человѣку жгутъ губы какая-то тайна, которую сознаніе удерживаетъ за скжатыми зубами; возникала увѣренность, что есть въ немъ что то разрывающее душу, отчего и, рыдать и кричать хочется, а въ то же время стыдно тѣмъ стыдомъ, который людскому плевку боится.

Жалко мнѣ стало его. Подумавъ немного, я перемѣнилъ тактику и взявъ его подъ руку, спросилъ съ грубоватой откровенностью:

— А ну, расскажи-ка по старой памяти, что тамъ еще засѣло въ этой безалаберной головѣ? Наплель нивѣсть чего; кой чертъ сгибаетъ твою шею? Задаешь мнѣ какіе-то ребусы.. я, братъ, не охочъ до нихъ: либо разглаголай ихъ самъ, либо убирайся и не тревожь попусту!

Вепрь помочалъ, потомъ, очевидно, рѣшился, придинулъся ко мнѣ и глухимъ голосомъ заговорилъ:

— Видишъ-ли. иногда безобразно глупыя мысли приходять въ голову; но что съ ними подѣлаешь—лѣзутъ и лѣзутъ, непрошенныя. Когда жизнь помнѣть человѣка, какъ тряпку—самая элементарная понятія мутнѣютъ и искривляются незамѣтнѣшимъ образомъ!..

Еще, правда, различаешь какъ будто и добро и зло, но краски сливаются, таять контуры, а про отѣнки и говорить не-

М. И. Большаковъ.
Членъ Г. Д. отъ Тверской губерніи.

З. А. Истевъ.
Членъ Г. Д. отъ Саратовской губерніи.

чего; и хотя инстинктъ иной разъ крикнетъ тебѣ на ухо: "берегись",—такъ полный разсудокъ немедленно заглушитъ его цѣлой кучей софизмовъ и—баста...

О, разсудокъ, это ужасный диалектикъ...

Знаешь, иногда мнѣ кажется, что я въ состояніи продѣлать какое-нибудь огромное свинство, такъ менѣ эта бѣдность и попрошайничество измучили.

Я не созданъ героемъ.. самое большее, на что смогъ бы рѣшиться, такъ это—пустить себѣ пулю въ лобъ; да и то боюсь, что не хватитъ рѣшиности!..

Замолчалъ. Предчувствие чего то дурного мучило меня все настойчивѣе. Мнѣ казалось, что изъ-за этого стона обобщеній выглядываетъ какой-то преслѣдующій его соблазнъ, какое то строго определенное сочетаніе условій и соотношеній съ чуждой средой, которое въ общемъ дневного свѣта боится.

Поэтому я отвѣтилъ болѣе или менѣе въ такомъ родѣ:

— Ну,—теперь то ужъ совсѣмъ ничего не понимаю. Все-таки ты уже протащился почти черезъ весь университетъ, приступаешь къ выпускнымъ экзаменамъ... Поглядишь—черезъ какихъ-нибудь полгода, годъ, ты начнешь профессионально травить людей; откуда же, къ черту, берутся у тебя эти грустные рефлексіи въ самомъ концѣ всѣхъ передрягъ?

Вепрь желчно улыбнулся.

— Въ самомъ концѣ передрягъ?! Вотъ то то и бѣда, что онѣ только теперь во всю разворачиваются! Откуда взять уму денегъ для уплаты за экзамены, за докторатъ? А хоть бы даже и цѣли достигъ, что же послѣ? Съ какими средствами устроись? а казеннаго мѣста поляку не достать.

— Между тѣмъ никого у меня нѣтъ. Въ прошломъ мѣсяцѣ умеръ старикъ, а если бы и не умеръ,—ничего у него не было. Теперь большая мать камнемъ виситъ на шеѣ и тянетъ въ трясину...

Много ты знаешь!. Э, больше уже не подъ силу тащиться съ сумой. Не одна смерть, такъ другая—просите только Бога, чтобы почестнѣе была...

А вѣзу въ болото—плюньте и дѣлу конецъ!..

Вскочилъ, посмотрѣлъ на воду и решительно махнулъ рукой.

— Ну, пойдемъ!. Все—ерунда!. Идемъ!..

Съ того времени опять прошло не- сколько мѣсяцевъ. Вепрь совершилъ исчезъ съ горизонта. По крайней мѣрѣ я только однажды встрѣтилъ его въ вѣстобюлѣ театра и онѣмѣлъ отъ удивленія. Чёрный смокингъ, блестящій цилиндръ, лорнетъ на золотомъ шнуркѣ!.. Элегантно подавалъ какою то молодой блондинкѣ вѣрхнее платье, весело болтая съ оплывшимъ господиномъ въ помятомъ дорожномъ плащѣ песочного цвѣта. Трудно было узнать Вепря,—выглядѣлъ, какъ бульварный дэнди.

Я кивнулъ ему головой и опять замѣтилъ то самое выражение перепуга, какъ и тогда—при встрѣчѣ въ паркѣ.

Однако, полошелъ и поздоровался.

— Можетъ быть зайдешь ко мнѣ на чай?—спрашивала.

— Не могу. Со мной знакомые изъ провинций.

— Изъ Познани?..
Немного замялся.

— Нѣтъ... Изъ Германіи... Дочь учится здѣсь въ консерваторіи, а отецъ сегодня пріѣхалъ, гостить...

Церемонно пожалъ мнѣ руку и поспѣшилъ къ нѣмцамъ. Неужели брачные разсчеты?.. Не онъ ли самъ былъ такимъ яркимъ врагомъ нѣмцевъ, разсыпавшимъ за несправедливое угнетеніе.. Ну, что жъ!.. Видимо, чѣмъ большее ничтожество,—тѣмъ панъ!..

Долго не могъ я уснуть этой ночью.

Прошло мѣсяцѣвъ десять. Я уже уѣхалъ изъ Берлина, впряженіе въ союзъ просвѣщенія присягнули журналистомъ и въ маленькомъ пеклѣ своей новой жизни только изрѣдка вспоминалъ о Вепрѣ.

Какъ-то утромъ приносила мнѣ въ редакцію заказное письмо. Вскрываю... Что такое? Визитная карточка, помѣченная крестомъ: подъ нимъ одно слово: Вепрь.

Вечеромъ того же дня я поѣхалъ въ Берлинъ. Отыскалъ двухъ старыхъ знакомыхъ, вѣчныхъ студентовъ; нѣкогда они были закадычными пріятелями Вепря. Оказалось, что и они получили такія же карточки съ крестомъ, но о самомъ Вепрѣ ровно ничего не могли сказать.

Получивши загадочные письма, они не- медленно отыскали его квартиру, но ис-

пуганная хозяйка знала только одно,—что она вышла днѣ три тому назадъ поздно вечеромъ и больше съ тѣхъ поръ не возвращалася. Вещи и книги оставались не- тронутыми, въ незапертомъ ящики письменного стола нашли немногіе мелочи.

Я сообщилъ объ этомъ въ полицію, искалъ въ больницахъ, въ Моргѣ—все напрасно. Группа не отыскали.

Вернувшись въ Познань, я отыскалъ матеря Вепря, добрающую въ больницахъ и тутъ потерпѣлъ фіаско. Она до того уже впала въ дѣтство и такъ замучена была болѣянью, что на вопросы мои одно отвѣчала:—Хорошій сынъ... хороший сынъ...

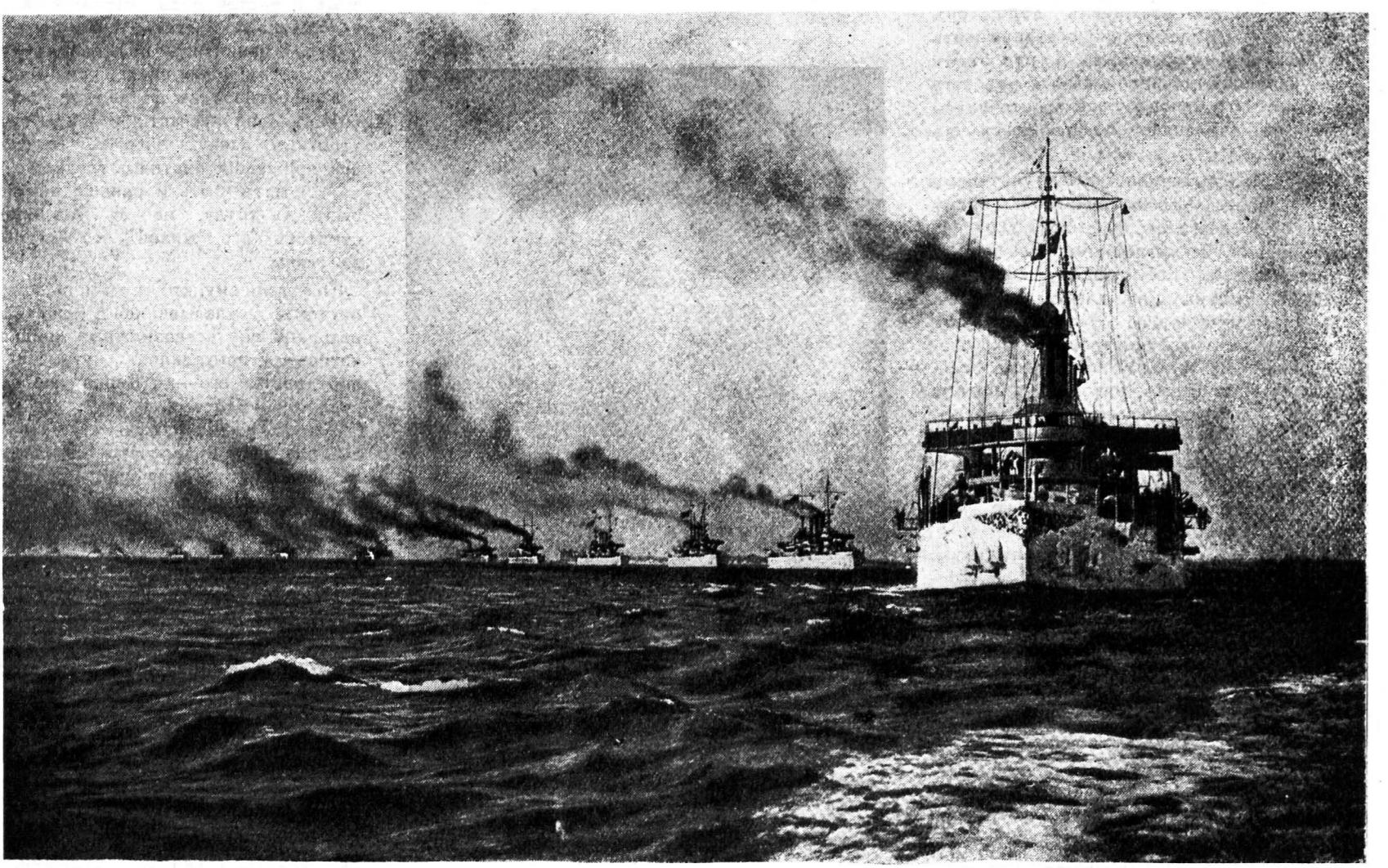
Послѣ говорили мнѣ сестры милосердія, что Вепрь недѣли три тому назадъ пробылъ у матери нѣсколько часовъ и оставилъ нѣсколько сотъ марокъ на содержаніе старушки. Такъ я другихъ слѣдовъ и не отыскалъ.

Въ альбомѣ съ карточками товарищей по университету нашъ фотографіей Вепря тоже кресть поставилъ.

Солнце весны моей начало уже клониться къ западу. Волны трудовыхъ заботъ достаточно уже бросали мною: тысячи новыхъ впечатлѣній затерли воспоминанія о студенческихъ годахъ, о Вепрѣ почти совсѣмъ забыть. И, однако, судьба устроила такъ, что еще разъ пришло мнѣ заглянуть въ глаза той загадки съ крестомъ.

Выѣсненіе поляковъ нѣмцами изъ Познанской провинціи принесло характеръ крайней нетерпимости. Угнетеніе дошло до абсурдова, а параллельно этому возрастило озлобленіе и пробужденіе национальной солидарности у поляковъ. Увлеченій борьбы за самобытное существованіе своего народа, его языка и обычая, я задумалъ соответствующій романъ, воспользовавшись для этого средними вѣками съ ихъ религиозной нетерпимостью.

Чтобы ознакомиться съ мѣстомъ дѣятствія романа, я путешествовалъ по Рейну. Здѣсь я собиралъ кое-какія свѣдѣнія о старинныхъ поселкахъ и укрепленныхъ городахъ.

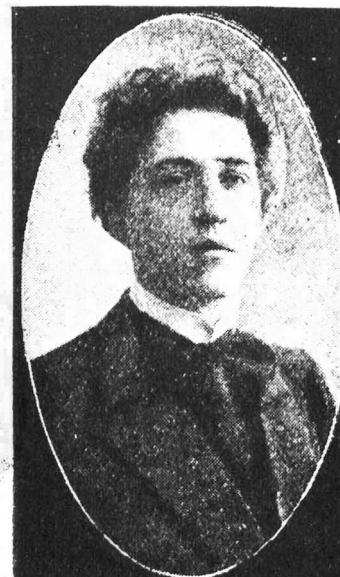

Флотъ Соединенныхъ Штатовъ на переходѣ изъ Атлантическаго океана въ Тихій.

МОЛОДЫЕ ПИСАТЕЛИ.

А. Амфитеатровъ.

Ал. Блокъ.

С. Сергеевъ Ценский.

Въ жаркий августовский день, я заѣхалъ въ порядочный городокъ. Объ его прелестномъ мѣстоположеніи и старинныхъ развалинахъ, связанныхъ съ прошлымъ таинственными легендами, мнѣ лично говорили случайные спутники.

Оставивъ вещи въ гостинице и собравъ отъ швейцара кое-какія болѣе достовѣрныя свѣдѣнія, я отправился розыскывать славные виноградники, развалины и вообще все, имѣющее связь съ отдаленными временами, а вечеромъ, уставъ отъ хожденія и жары, присѣлъ отдохнуть въ одномъ изъ пригородныхъ садиковъ, расположенному въ концѣ главной улицы.

Погода стояла великолѣпная, и потому толпы бургеровъ съ женами и дѣтьми гурьбою направлялись за городъ въ сады и рестораны, далекіе отъ шума и пыли.

Сидя за бокаломъ рѣйнского вина, я наблюдалъ, стараясь уловить типъ населения. Не было у меня здѣсь ни одной знакомой души, и скуча была адская.

Вдругъ со стороны города показался открытый экипажъ, запряженный парой превосходныхъ коней, съ кучеромъ въ богатой ливреѣ, О, думаю себѣ—какой-нибудь здѣшний сановникъ; посмотримъ!

Вскорѣ экипажъ поравнялся со мною и тутъ-то... неужели я ошибся?.. тамъ, раскинувшись небрежно на сидѣніи, съ сигарой въ зубахъ... сидѣлъ.. Вепръ?.. Вепръ!.. Рядомъ съ нимъ молодая женщина съ копной золотистыхъ волосъ.

Хотѣлось крикнуть. Но лошади вихремъ промчались. Нѣтъ, нѣтъ! повторялъ я про себя,—это игра воображенія, какое-нибудь случайное сходство...

Но странное явленіе снова и снова приходило въ голову съ новыми подробностями.

Тотъ же самый высокій воротничекъ... Такъ же точно завязанный бантикъ съ развивающимися концами...

Тѣ же кверху закрученные усы и маленькая мушка на бритомъ подбородкѣ, все точь въ точь, какъ нѣкогда въ Бер-

линѣ. Немного только, насколько я успѣлъ замѣтить,— пополнѣлъ и посмуглѣлъ еще больше.

И однако... нѣтъ, невозможно! Это мнѣ показалось, обыкновеннѣйшая ошибка!

Я позвалъ кельнера, разглядывавшаго проходящую публику.

— Видѣлъ ты только что промчавшійся экипажъ?

— А какъ же? Это докторъ Вильде съ женой.

Вильде!..—“Вепръ” по-нѣмецки!..

Словно кто-то длиннѣйшей иглой пронзилъ мнѣ мозгъ.

— Онъ нѣмецъ?

— О, да. Еще какой патріотъ!..

— Гм... а давно гостить здѣсь докторъ Вильде?

— Да онъ вовсе не гоститъ. Вотъ уже три года, какъ онъ здѣсь поселился. О, этотъ хорошо устроился. Женился на дочери ландрата, а этотъ, какъ вамъ известно, что захочетъ, то и сдѣлаетъ. Приданое, конечно, небольшое, но протекція... не шутите!.. Немедленно назначили ordinаторомъ больницы, а затѣмъ прибралъ къ рукамъ всѣ платныя мѣста при здѣшнихъ учрежденіяхъ и всѣхъ больныхъ держать у себя въ карманѣ.

— Куда же онъ ѣхалъ?

— На прогулку, какъ всегда. Не правда ли, здорово ѻздить! Уже даже не разъ штрафъ платилъ...

Но они далеко не ѻздятъ. Вотъ увидите, черезъ полчаса уже будуть возвращаться.

— По этой самой дорогѣ?

— Конечно,—вѣдь, это главная улица, теперь весь городъ, можно сказать, флагируетъ по ней.

Я твердо рѣшилъ воспользоваться этимъ случаемъ и положить конецъ всему недоразумѣнію.

Поэтому я прошелъ впередъ съ полверсты и, натолкнувшись на скамеечку, усѣлся поудобнѣе, закурилъ сигару и, въ ожиданіи экипажа съ двойникомъ Вепря, сталъ заносить въ книжечку замѣтки объ осмотрѣнномъ.

Вечерній мракъ уже началъ покрывать посѣвы и поля сѣрої мглою; становилось прохладно.

Не прошло и полу-часа, какъ за поворотомъ послышался шумъ приближающагося экипажа.

Halt! (стой).

Удивленно посмотрѣлъ на меня, но пошадей задержалъ. Я подошелъ къ экипажу, остановился у ступеньки и, глядя прямо въ глаза господину „Вильде“, коротко и громко произнесъ по польски:

— Вепръ! Какъ поживаешь?

Краска сбѣжаласъ съ его лица. Сдѣлалъ движеніе, какъ бы желая подняться съ сидѣнія, но сдержался, усмѣшка искривила губы и глухо сказалъ по-нѣмецки:

— Я не понимаю вашего нарѣчія.

Кровь закипѣла во мнѣ. Теперь-то ужъ во всякомъ случаѣ, услышавъ этотъ голосъ, я былъ увѣренъ, что это онъ,— Вепръ.

— Что?! Самого себя не узнаешь?.. голосъ мой перешелъ въ шипѣніе,—такъ вотъ ты каковъ?!

Глаза его сузились, губы дрожали. Очевидно, буря была въ душѣ его. Однако, немного спустя, овладѣлъ собою и искусственно спокойнымъ тономъ сказалъ:

— Очевидно, здѣсь какая-то ошибка; повторяю, что я васъ не могу понять и, вѣдь, впервые вижу...

Францъ, пошелъ!

Лошади тронулись.

Роль была имъ выдержана до конца.

Само собой понятно, что у этого Вильде ничего не уцѣлѣло отъ прежняго Вепря.

Въ самомъ ужасномъ настроеніи вернулся я въ гостинницу и при первой возможности уѣхалъ изъ этого города.

...И до сихъ поръ въ моемъ альбомѣ грустнымъ пятномъ бросается въ глаза карточка Вепря, жутко выдѣляющаяся крестомъ своимъ.

Этотъ человѣкъ умеръ.